

Межрегиональная общественная организация
«Комитет против пыток»

Обзор практики Европейского суда по правам человека
за 2015-2020 гг.

**«Достоверность утверждений о жестокое обращении: вопросы
доказывания»**

20 мая 2020 г.

Настоящий обзор подготовлен юристами межрегиональной общественной организации «Комитет против пыток» и включает в себя практику Европейского суда по правам человека относительно вопросов доказывания утверждений о жестоком обращении.

Данный обзор может быть полезен юристам, занимающимся подачей жалоб в ЕСПЧ на нарушение статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, судьям, сотрудникам правоохранительных органов и лицам, интересующимся тематикой защиты прав человека.

Согласно практике Европейского суда по правам человека (далее – Суд, ЕСПЧ) в отношении доказательства обращения, противоречащего статье 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), Суд полагается на правило, согласно которому заявления о жестоком обращении должны подкрепляться соответствующими доказательствами. Другими словами, **заявитель несет ответственность за предоставление доказательств обращения или наказания, не соответствующих статье 3 ЕКПЧ.**

Доказательства могут быть в форме первичных медицинских документов о телесных повреждениях (справки из травмпунктов и больниц, справки, составленные сотрудниками скорой медицинской помощи, рентгеновские снимки и др.), судебно-медицинских экспертиз, а также любых других доказательств: экспертиз, свидетельских показаний, фотографий телесных повреждений и т.п. Данные доказательства должны обеспечить конкретные неоспоримые аргументы для того, чтобы позволить Европейскому суду оценить, существовали ли на самом деле телесные повреждения и были ли они достаточно серьезными, чтобы превысить допустимый уровень жестокости в соответствии со статьей 3 Конвенции.

При этом в случае, если лицо находилось в хорошем самочувствии до непосредственного контакта с агентами властей, но имеет телесные повреждения на момент освобождения из-под государственного контроля, то бремя доказывания переходит на государство, обязанностью которого становится предоставление убедительного объяснения относительно происхождения травм (см. *Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу Selmouni v. France, жалоба 25803/94, § 87, ECHR 1999-V*). При отсутствии подобного объяснения Европейский Суд вправе сделать вывод не в пользу государства-ответчика.

Для оценки доказательств Суд применяет стандарт доказывания "вне всяких разумных сомнений" (см. *Постановление Европейского Суда по делу Ireland v. United Kingdom от 18 января 1978 г., § 161, Series A, N 25*). Однако такого рода доказательства могут являться следствием одновременного существования достаточно серьезных, ясных и согласующихся между собой умозаключений либо аналогичных никем не опровергнутых предположений об обстоятельствах дела (см. *Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу Salman v. Turkey, жалоба 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII*).

Рассмотрим подробнее практику Суда по заданному вопросу и конкретные обстоятельства, при которых Суд оценивал достоверность утверждений о жестоком обращении и признавал выполненными условия стандарта доказывания «за рамками любого обоснованного сомнения».

ДЕЛО «MINIBAYEV v. RUSSIA»

Постановление¹ ЕСПЧ от 3 декабря 2019 г., жалоба № 68793/13

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

- Игнорирование повреждений, зафиксированных в медицинских документах
- Игнорирование показаний свидетелей относительно отсутствия повреждений у заявителя до задержания
- Отсутствие возможности воспользоваться правами, предусмотренными законом для лица, находящегося в статусе подозреваемого

ОПИСАНИЕ ДЕЛА

Согласно утверждениям заявителя, в апреле 2006 г. его несколько раз вызывали в отдел полиции, где он был допрошен в неофициальном порядке в связи с изнасилованием и убийством К.

4 мая 2006 г. около 13:00 заявитель был задержан на своем рабочем месте сотрудниками полиции и доставлен в отдел полиции. Его задержание видели коллеги, которые показали, что заявитель не имел телесных повреждений. В тот же день вечером он был доставлен в отдел по расследованию умышленных убийств и бандитизма прокуратуры Республики Башкортостан в г. Уфе (далее — *отдел по РУУБ*). Заявитель провел ночь с 4 на 5 мая 2006 г. в данном отделе.

5 мая 2006 г. заявитель был допрошен следователем и признался, что участвовал в совершении вменяемого ему преступления.

В жалобе, направленной в адрес Суда, заявитель утверждал, что с момента его задержания 4 мая 2006 г. и до момента его признания в совершении преступления 5 мая 2006 г. он подвергался пыткам и угрозам в отделе полиции и в отделе по РУУБ со стороны сотрудников полиции и следственных органов, которые пытались получить от него признание в совершении изнасилования и убийства К.

5 мая 2006 г. в 19:00 заявитель был доставлен в больницу, где нейрохирург зафиксировал наличие у него телесных повреждений в виде кровоподтеков и кровоизлияний в мягких тканях головы.

6 мая 2006 г. в 22:00 заявитель был осмотрен фельдшером при водворении в следственный изолятор в г. Уфе (далее — СИЗО), который зафиксировал наличие у заявителя телесных повреждений в виде обширных кровоподтеков зеленого цвета области плечевого сустава и подлопаточной области слева. Заявитель сообщил фельдшеру, что телесные повреждения были нанесены ему в сотрудником полиции и сотрудником прокуратуры.

¹ См. постановление по ссылке: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-198807>

В ходе расследования жалоб заявителя на пытки на национальном уровне следователь пришел к выводу, что телесные повреждения заявителя могли образоваться до того, как он был доставлен в отдел по РУУБ в г. Уфе. Утверждения свидетелей об отсутствии у заявителя телесных повреждений до момента его задержания 4 мая 2006 г. были оценены как не заслуживающие доверия на том основании, что данные лица находились в семейных, дружеских или товарищеских отношениях с заявителем. Кроме того, следователь пришел к выводу, что данные лица ни при каких обстоятельствах не могли видеть телесных повреждений на плече и лопатке заявителя. Следователь счел обнаруженные телесные повреждения недостаточно серьезными для того, чтобы заявитель был вынужден свидетельствовать против себя. Возможность существования сговора между следователями прокуратуры и сотрудниками полиции была исключена в связи с «наличием противоречий в показаниях данных лиц». В итоге следствие, сославшись на принцип толкования неустранимых сомнений в пользу обвиняемого лица, пришло к выводу об отсутствии доказательств применения сотрудниками полиции физической силы по отношению к заявителю.

Правительство в ходе коммуникации также утверждало, что телесные повреждения заявителя образовались до его задержания 4 мая 2006 г. По мнению Правительства, **объяснения лиц, в отношении которых заявителем были поданы жалобы о жестоком обращении, являлись убедительными.** Российские власти критически отнеслись к утверждениям иных свидетелей, согласно которым на момент задержания у заявителя отсутствовали телесные повреждения. Правительство также убеждено, что утверждения заявителя являются противоречивыми и что они были опровергнуты результатами СМЭ. Таким образом, Правительство утверждало, что настоящая жалоба является явно необоснованной.

Заявитель настаивал на том, что он подвергся жестокому обращению со стороны представителей государства в период, когда он был незаконно лишен свободы. В частности, заявитель утверждал, что версия властей об образовании у него телесных повреждений до 4 апреля 2006 г. была опровергнута объяснениями его коллег по работе, которые видели заявителя в тот день без телесных повреждений. Он также выразил сожаление по поводу *отклонения следствием указанных объяснений, в то время как противоречивые и неправдоподобные утверждения сотрудников полиции и следователей, в отношении которых он подавал жалобы, были расценены как достоверные и безоговорочно приняты во внимание.* Заявитель отметил, что не было проведено очных ставок с участием указанных лиц в целях устранения противоречий между их объяснениями.

ОЦЕНКА СУДОМ

В данном деле Суд отметил, что, согласно утверждениям лиц, видевших заявителя незадолго до его задержания 4 мая 2006 г., а также во время его доставления в отдел полиции, у заявителя отсутствовали телесные повреждения. 5 мая 2006 г. после произвольного и незарегистрированного задержания и нахождения в течение определенного периода времени под контролем властей заявитель был доставлен в больницу, где у него были зафиксированы множественные повреждения мягких тканей головы. 6 мая 2006 г. при водворении заявителя в СИЗО г. Уфы у него также были зафиксированы обширные повреждения в области плеча и лопатки (§92 постановления). Согласно утверждениям нейрохирурга и судмедэксперта, повреждения головы заявителя могли образоваться 5 мая 2006 г. Как утверждал тот же судмедэксперт, повреждения плеча и лопатки, несмотря на то, что они уже были зеленого цвета, могли образоваться за два-четыре дня до осмотра заявителя фельдшером 6 мая 2006 г., то есть в период со 2 по 4 мая 2006 г. Согласно заключениям СМЭ, все указанные повреждения были нанесены твердыми тупыми предметами.

В данных обстоятельствах Суд приходит к выводу, что телесные повреждения заявителя могли образоваться в результате предполагаемого жестокого обращения с ним.

В связи с этим Суд указал, что заявитель подвергался произвольному и незарегистрированному задержанию, а также был допрошен сотрудниками полиции и следователями. При этом заявитель оказался в уязвимом положении, у него не было возможности воспользоваться правами, предусмотренными законом для лица, находящегося в статусе подозреваемого. Суд находит данное обстоятельство существенным и свидетельствующим о достоверности версии событий заявителя (см. постановление по делу *Olisov and Others v. Russia*, № 10825/09 и 2 других жалобы, §§ 75-79, от 2 мая 2017 г.).

ДЕЛО «SAMESOV v. RUSSIA»

(Постановление² ЕСПЧ от 20 ноября 2018 г., жалоба № 57269/14)

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

- Как влияет неспособность властей к проведению полноценного расследования на бремя доказывания
- Некачественная судебно-медицинская экспертиза

²См. постановление по ссылке: <https://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-187737>

ОПИСАНИЕ ДЕЛА

4 июля 2013 г. примерно в 16:30 заявитель был задержан, а в 19:00 арестован и доставлен в отдел полиции в связи с подозрением в мошенничестве. Во время допроса полицейские с целью заставить заявителя признаться в совершении преступления угрожали ему пистолетом, наносили удары кулаками и ногами ему по голове, животу и в область почек, надевали ему на голову полиэтиленовый пакет и душили. 5 июля 2013 г. около 12:00 полицейские доставили заявителя в больницу, где заявителя были обнаружены ушиб левой почки, ссадины и гематомы на животе, груди и руках.

По мнению судебно-медицинского эксперта, травмы могли быть нанесены в результате ударов твердыми тупыми предметами 4 июля 2013 года. Травмы живота заявителя могли быть вызваны ударом ногой в эту область один или несколько раз. Хотя ушиб почки заявителя не был предметом судебно-медицинской экспертизы, диагноз был поставлен врачами урологического отделения Александровской больницы, где заявитель проходил стационарное лечение с 5 по 9 июля 2013 года.

Следственный комитет пять раз выносил отказы в возбуждении уголовного дела, которые в дальнейшем были отменены вышестоящими органами. В рамках судебного разбирательства на национальном уровне заявителю было отказано в удовлетворении его жалоб.

Правительство отрицало нарушение ст. 3 Конвенции в материальном аспекте. Утверждения заявителя о полученных им телесных повреждениях не соответствуют фактически полученным им телесным повреждениям. Правительство объяснило, что телесные повреждения были получены заявителем во время его ареста в связи с его активным сопротивлением и попытками скрыться, что подтверждается показаниями свидетелей ареста. Примененная физическая сила была вызвана поведением самого заявителя и не была чрезмерной, поскольку не привела к каким-либо долгосрочным и негативным последствиям для его здоровья.

Заявитель утверждал, что в отношении него была нарушена ст. 3 Конвенции в материальном аспекте. Наличие у заявителя телесных повреждений подтверждается медицинскими заключениями, информацией из медицинской карты заявителя, материалами медицинского освидетельствования. Вопреки утверждению Правительства о том, что заявитель получил телесные повреждения, оказывая сопротивление полицейским во время ареста, некоторые повреждения не могли быть нанесены заявителю во время ареста, когда он лежал на земле лицом вниз. Утверждение Правительства о попытках заявителя сопротивляться задержанию и скрыться не являются обоснованными.

ОЦЕНКА СУДА

Суд счел, что телесные повреждения, по крайней мере частично, могли быть вызваны предполагаемым жестоким обращением заявителя со стороны сотрудников полиции – скорее всего, в результате ударов кулаками и ногами (§ 55 постановления).

Суд указал, что реакция государства на жалобу заявителя была ограничена проведением доследственного расследования, в результате которого власти решили, что нет никаких доказательств, что действия сотрудников полиции содержат признаки уголовного преступления, и отказались возбуждать уголовное дело (§ 57 постановления). Отказы в возбуждении уголовного дела были настолько слабо аргументированы, что вышестоящие следственные органы неоднократно признавали их незаконными, необоснованными или основанными на неполном расследовании. Однако через три года национальные суды пришли к выводу, что последний отказ в возбуждении уголовного дела был законным и обоснованным.

Суд отметил, что заявления сотрудников полиции, которые осуществляли арест, не давали никаких оснований заключить, что заявитель мог быть «сбитым с ног» и «упал лицом вниз на землю». Тем не менее, это была версия, представленная судебно-медицинскому эксперту для дополнительной оценки (в которой он приписал некоторые травмы падению заявителя на землю), и официальное объяснение травм заявителя. Кроме того, судебно-медицинская экспертиза была проведена в отсутствие заявителя, более чем через два месяца после его предполагаемого жестокого обращения, и на основании либо неполного описания его предполагаемого жестокого обращения (§§19 и 23), либо искаженного описания материалов, собранных в ходе предварительного следствия (§§21-22 и §27 постановления).

Суд пришел к выводу, что отказ возбудить уголовное дело в связи с заслуживающими доверия утверждениями заявителя о жестоком обращении со стороны полиции, о котором властям было незамедлительно сообщено, представлял собой неспособность провести эффективное расследование, как того требует статья 3 Конвенции (§59 постановления). Учитывая, что отказ властей в удовлетворении жалобы заявителя о жестоком обращении был основан на предварительном расследовании, которое не соответствовало требованиям эффективного расследования в соответствии со статьей 3, Суд далее приходит к выводу, что Правительство не выполнило свое бремя доказывания и не представило доказательств, способных поставить под сомнение достоверные утверждения заявителя о жестоком обращении (§61 постановления).

ДЕЛО «ALEKSEY BORISOV v. RUSSIA»

Постановление³ ЕСПЧ от 16 июля 2015 г., жалоба № 12008/06

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

- При изложении своей позиции заявитель должен обеспечить точность и достоверность предоставляемой информации:
 - неустранимые противоречия в показаниях заявителя и свидетелей в отношении предполагаемого жестокого обращения;
 - неустранимые противоречия в показаниях заявителя и данных судебно-медицинской экспертизы относительно природы телесных повреждений.

ОПИСАНИЕ ДЕЛА

Заявитель жаловался на то, что он подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников милиции и ФСБ во время проведения обыска в его жилище 20 апреля 2004 г. в связи с подозрением в грабеже. Обыск производился в присутствии родственников заявителя, супругов И., и двоих понятых, Л. и Н.

Версия относительно начала событий *с точки зрения заявителя* изложена следующим образом. После того, как сотрудники правоохранительных органов вошли в помещение, следователь начал обыск, а сотрудники в масках увели заявителя в свой грузовик. Эти сотрудники отвезли заявителя на грузовике в неизвестное место и жестоко избили: они били его ногами, кулаками и прикладами оружия по телу, голове и гениталиям, наваливались всей тяжестью ему на спину и выкручивали ему руки. Заявитель утверждал, что его несколько раз приводили обратно в его квартиру для подписания протокола обыска и задержания, потом вновь уводили в грузовик, где сотрудники продолжали его избивать. В результате жестокого обращения в отчаянии он выбросился из окна собственной квартиры, находящейся на четвертом этаже, чтобы покончить жизнь самоубийством и тем самым положить конец своим страданиям.

Версия о начале событий *с точки зрения властей Российской Федерации* изложена следующим образом. Как только сотрудники правоохранительных органов зашли в квартиру, заявитель оказал сопротивление сотруднику П. и попытался сбежать. Сотрудник П. был вынужден применить силу, чтобы усмирить заявителя, положив его на пол и надев на него наручники. Когда сотрудники пытались поднять заявителя с пола, он вел себя агрессивно и продолжал пытаться сбежать или ударить сотрудников милиции. Вследствие такого поведения сотрудники милиции

³ Ссылка на постановление: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-156356>

были вынуждены применить специальные средства для преодоления сопротивления заявителя. По завершении обыска в квартире сотрудники спустились вниз, чтобы обыскать автомобиль, принадлежащий заявителю, который вместе с гражданкой И. проследовали за ними. В конце обыска все вновь собрались в квартире, чтобы подписать протокол. Затем гражданка И. попросила открыть окно, и заявитель выпрыгнул в него с целью побега.

Последующие события не вызывают спора сторон и изложены следующим образом. После падения из окна заявитель, у которого были многочисленные переломы, был доставлен в больницу. 21 апреля 2004 г. сотрудники милиции Ри., З., К. и Зи., присутствовавшие при обыске, представили начальнику районного управления ФСБ г. Воронежа рапорты, объясняющие обстоятельства падения заявителя. Они указали, что через два часа после окончания обыска заявитель попытался сбежать, выпрыгнув из окна.

С 21 по 23 апреля 2004 г. заявитель находился в больнице. Он был в наручниках, и сотрудники милиции постоянно дежурили у его палаты.

24 апреля 2004 г. адвокат заявителя подал ходатайство следователю о проведении судебно-медицинской экспертизы для установления степени тяжести телесных повреждений заявителя, обращая внимание на необходимость внесения в отчет отметки о наличии гематомы на левом глазу, которая была у заявителя 23 апреля 2004 г.

Решением от 27 апреля 2004 г. следователь С. отклонил ходатайство на основании того, что отсутствует необходимость в проведении экспертизы. 30 апреля 2004 г. прокурор Воронежской области отменил это решение.

5 мая 2004 г. следователь С. назначил судебно-медицинскую экспертизу. 7 мая 2004 г. ее провел судебно-медицинский эксперт областного бюро судебно-медицинской экспертизы Б. После осмотра заявителя, выслушав его жалобы на предполагаемое жестокое обращение, эксперт установил два типа телесных повреждений.

С одной стороны, были обнаружены *многочисленные травмы, включая перелом левой ноги, вывих лодыжки, перелом двух ребер, травма правой почки и правого легкого, а также сотрясение мозга.* Эксперт пришел к выводу, что эти травмы могли стать результатом падения заявителя.

С другой стороны, были выявлены *гематома на левом глазу, рана на языке, гематома на шее, гематомы на правой стороне грудной клетки и поясничной области, а также ссадины на правом запястье, обоих предплечьях и левом плече.* Эксперт пришел к выводу, что указанные травмы могли стать как результатом падения с четвертого этажа квартиры, так и могли быть причинены тупым предметом.

Власти Российской Федерации согласились с тем, что на момент обыска в жилище у заявителя не было телесных повреждений. Они объясняли возникновение телесных повреждений самостоятельным получением

заявителем травм в результате падения из окна четвертого этажа, где находилась его квартира.

Заявитель отмечал, что судебно-медицинская экспертиза была назначена с опозданием, 5 мая 2004 г., а проводилась с 7 по 19 мая 2004 г. Он не мог точно утверждать, что на судебно-медицинского эксперта оказывалось давление, но подчеркивал, что был лишен возможности ставить перед экспертом свои вопросы.

Сбор доказательств адвокатом заявителя

Адвокат Л. по собственной инициативе опросил членов семьи заявителя, а именно гражданок И. и С., присутствовавших в квартире на момент рассматриваемых событий.

В своих объяснениях, данных адвокату 25 апреля 2004 г., гражданка И. подтвердила, что сотрудники милиции хитростью заставили заявителя выйти из квартиры и что последний был в наручниках и в ссадинах на левой стороне лица, а его одежда была грязная и покрыта пылью. Она утверждала также, что заявителя выводили из квартиры, по крайней мере, дважды, первый раз он отсутствовал в течение нескольких часов, а после возвращения хромал.

В своих объяснениях, данных адвокату 2 октября 2004 г., гражданка С. указала следующее. Она пришла в квартиру примерно в 22.00 и обнаружила, что заявителя нет. Спустя некоторое время сотрудник Р. приказал привести заявителя в квартиру для подписания протокола. Далее она сообщила, что одежда заявителя была грязная и покрытая пылью. Заявитель, будучи в наручниках, жаловался на боль в руках, и она попросила снять наручники. К 2.00 заявитель и гражданка И. в сопровождении сотрудников ФСБ вышли из квартиры, чтобы присутствовать при обыске автомобиля. Через полчаса после возвращения И. попросила открыть окно, и заявитель выбросился из него.

9 декабря 2008 г., то есть спустя четыре года после рассматриваемых событий, адвокат заявителя опросил некоего В., соседа с шестого этажа дома, находящегося напротив дома заявителя на расстоянии 20 метров.

В. рассказал, что 20 апреля 2004 г. днем он находился на балконе своей квартиры и видел двух вооруженных людей в камуфляжной форме, сопровождавших заявителя, который был в наручниках и руки у которого были за спиной. В. утверждал, что затем эти два сотрудника "потасили" заявителя к милицейской автомашине и затем "наносили ему удары по всему телу". В. сообщил, что видел, как заявитель пытался уклониться от ударов, упал и просил прекратить избиение и в итоге сел в грузовик. Все это продолжалось, по словам В., от семи до 10 минут. В. сказал, что видел, как грузовик уехал и вернулся спустя час, он добавил, что заявитель, все еще находясь в наручниках, вышел из него, явно хромя, а его одежда была покрыта пылью. Наконец, В. сообщил, что в расправе принимали участие шестеро или семеро сотрудников, и он готов их опознать.

ОЦЕНКА СУДА

Европейский Суд проанализировал два типа телесных повреждений, установленных судебно-медицинской экспертизой. Эксперт установил, что некоторые из повреждений стали результатом падения заявителя с четвертого этажа его квартиры, а другие могли быть причинены как падением, так и путем нанесения ударов тупыми предметами. Эти последние телесные повреждения, а именно гематома под левым глазом, повреждение языка, гематома на шее, гематомы на правой стороне грудной клетки и поясничной области, а также ссадины на правом запястье, обоих предплечьях и левом плече могли стать результатом предполагаемого жестокого обращения, а, следовательно, должны были уже быть, по крайней мере, некоторые из них, на теле заявителя к концу задержания, но до падения из окна.

Сравнивая эти медицинские данные с позицией заявителя, а также с объяснениями свидетельниц И. и С., представленными заявителем, Европейский Суд заключил, что эти данные противоречат версии заявителя.

Во-первых, Европейский Суд установил, что описание жестокого обращения, изложенное заявителем, не согласуется с обнаруженными телесными повреждениями. Так, с одной стороны, повреждения были расположены на частях тела, не упомянутых самим заявителем – например, гематома под левым глазом и травма языка, *хотя заявитель не утверждал, что его били по лицу* (§ 8 постановления). С другой стороны, на тех частях тела, по которым, по утверждению заявителя, наносились удары, например голова и гениталии, не было обнаружено каких-либо телесных повреждений (§ 19 постановления). Заявитель не предоставил объяснений данному несоответствию.

Во-вторых, Европейский Суд установил, что из объяснений С. не следует, что у заявителя были видимые телесные повреждения (§ 21 постановления). Напротив, *свидетельница И. утверждала, что видела ссадины на голове заявителя*. Показания И. противоречат утверждениям С., которая не сообщала о том, что заметила какие-либо телесные повреждения, а также заключению экспертизы, в ходе которой не было обнаружено подобных повреждений (§ 19 постановления). Кроме того, ни одна из этих свидетельниц не утверждала, что заметила те телесные повреждения, относительно происхождения которых эксперт высказал сомнения.

Европейский Суд также отметил, что показания свидетельницы И. со временем менялись (§ 70 постановления). Так, в ходе производства на внутригосударственном уровне И. лишь сказала, что сотрудники, участвовавшие в обыске, вели себя грубо (§ 24 постановления), в то время как в Европейском Суде И. изложила гораздо более подробную версию событий (§ 20 постановления).

Показания свидетеля В., собранные более чем через четыре года после рассматриваемых событий, Суд посчитал сомнительными, поскольку они противоречат как фактам, изложенным заявителем, так и официальной версии.

представленной властями Российской Федерации (§ 24 постановления). В частности, свидетель был готов опознать предполагаемых истязателей заявителя (§ 22 постановления), хотя последний утверждал, что не в состоянии это сделать, так как на них были маски (§§ 34 и 45 постановления).

Европейский Суд осознает трудности, если не сказать, полную невозможность, с которыми может столкнуться задержанный при сборе доказательств жестокого обращения во время нахождения под контролем полиции. Тем не менее «при изложении своей позиции заявитель должен обеспечить точность и достоверность предоставляемой информации» (§ 73 постановления).

Учитывая вышесказанное, *в силу отсутствия необходимых достоверных сведений Европейский Суд в данном деле не смог заключить со степенью определенности, соответствующей его собственной прецедентной практике, что заявитель подвергся во время задержания и обыска в его жилище предполагаемому жестокому обращению.*

ДЕЛО «EMIN HUSEYNOV v. AZERBAIJAN»

Постановление⁴ ЕСПЧ от 7 мая 2015 г., жалоба № 59135/09

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

- Доказывание природы повреждений в ситуации, когда телесные повреждения могли быть вызваны обострением уже имеющихся у заявителя заболеваний
- Некачественная судебно-медицинская экспертиза

ОПИСАНИЕ ДЕЛА

Заявитель – независимый журналист, на момент событий являлся руководителем Института свободы и безопасности репортеров (ИСБР) в Азербайджане.

14 июня 2008 г. заявитель вместе с двумя своими коллегами из ИСБР присутствовал на мероприятии в честь восьмидесятилетия Эрнесто Че Гевары, проводившемся в частном кафе в г. Баку. Спустя полчаса после начала мероприятия было приостановлено группой из 30 полицейских, объявивших, что все участники мероприятия будут доставлены в отдел полиции. Заявитель сообщил полицейским о том, что является журналистом. Четверо полицейских нанесли заявителю удары в живот, после чего заявитель и все участники мероприятия были доставлены в отдел полиции. Там заявителя отвели в

⁴Ссылка на постановление: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-154161>

кабинет заместителя начальника отдела полиции, где ему угрожали и избили его, в результате чего заявитель потерял сознание.

В 5.20 вечера заявитель был госпитализирован с диагнозом ***неврологическая реакция***, в больнице у него были установлены *черепно-мозговая травма и ушиб мягких тканей вокруг затылка*. Заявитель оставался в отделении интенсивной терапии больницы в течение четырех дней. Он был выписан из больницы 25 июня 2008 года.

23 июня 2008 г. было проведено судебно-медицинское исследование, заказанное 15 июня 2008 года, в котором было указано, что никаких телесных повреждений или объективных признаков повреждения (ушиб, ссадина, рана, припухлость и др.) у заявителя не имеется и что стационарное лечение Гусейнова было связано с его предыдущими заболеваниями - распространенным остеохондрозом позвоночника, многочисленными выпячиваниями дисков в области спины и шеи, хронической дисциркуляторной энцефалопатией и вестибулопатией.

Заявитель утверждал, что в отношении него была нарушена ст. 3 Конвенции в материальном аспекте – в частности, что четверо полицейских нанесли ему удары в живот при задержании, хотя заявитель не оказывал никакого сопротивления и не пытался скрыться. В кабинете заместителя начальника отдела полиции один из полицейских угрожал заявителю пистолетом и высказывал словесные угрозы в его адрес. После этого полицейский надавил на шею заявителя и прижал его голову к столу. Несмотря на слова заявителя о том, что он является инвалидом II группы по состоянию здоровья, полицейский ударил заявителя локтем в затылочную часть шеи, в связи с чем заявитель потерял сознание.

Правительство отрицало нарушение ст. 3 Конвенции в материальном аспекте, указав, что 14 июня 2008 года полиция вмешалась в мероприятие на основании жалобы людей, проживающих по соседству с кафе. Заявитель и другие участники, которые не смогли предъявить свои удостоверения личности, были доставлены в полицейский участок, но были освобождены, как только их личность была установлена. По мнению властей, во время своего пребывания в полицейском участке заявитель не подвергался жестокому обращению со стороны полиции. Власти опирались на выводы СМЭ об отсутствии у заявителя каких-либо телесных повреждений. *Необходимость в стационарном лечении возникла у заявителя в связи с его имеющимися еще до задержания заболеваниями. Заявитель был доставлен в больницу с диагнозом «неврологическая реакция».* Кроме того, другие участники мероприятия, также доставленные в отдел полиции, не заявляли о каком-либо жестоком обращении или давлении со стороны полицейских.

ОЦЕНКА СУДА

Суд счел версию заявителя более правдоподобной и обоснованной. Суд обратил внимание на показания свидетелей (коллег заявителя из ИСБР), которые вместе с заявителем были доставлены в отдел полиции и, находясь возле кабинета заместителя начальника отдела полиции, слышали крики и угрозы в отношении заявителя, а также видели, как после этого заявителя вывели из кабинета и что он плохо себя чувствовал.

Суд также указал на недостатки заключения СМЭ, на которое опиралось Правительство. Суд отметил, что в судебно-медицинском заключении от 23 июня 2008 года **не была указана точная дата допроса заявителя судебно-медицинским экспертом**, при условии, что экспертиза началась 15 июня 2008 года и закончилась 20 июня 2008 года. Заявитель утверждал, что судебно-медицинский эксперт осмотрел его в больнице только 18 июня 2008 года, и это утверждение не было оспорено правительством. Непонятно, почему судебный эксперт ждал три дня после официального учреждения судебной экспертизы, прежде чем осмотреть заявителя в больнице. Правительство не дало никаких объяснений этой задержке (*§ 60 постановления*).

Далее, судебно-медицинское заключение от 23 июня 2008 года, не ставя непосредственно под сомнение первоначальный диагноз черепно-мозговой травмы и ушиба мягких тканей вокруг затылка заявителя, подтвердило, что на теле заявителя не было никаких повреждений или признаков травмы и что его стационарное лечение было связано с его предыдущими заболеваниями. Хотя эксперт пришел к заключению, которое явно отличалось от первоначального диагноза заявителя, поставленного во время его поступления в больницу, эксперт не сделал никакой оценки относительно первоначального диагноза, не объяснив, почему он отошел от него. Суд посчитал, что при обстоятельствах, **когда эксперт в ходе экспертизы, проведенной через четыре дня после инцидента, пришел к заключению, отличающемуся от первоначального диагноза, установленного при поступлении заявителя в больницу, от него ожидалось получить подробное объяснение, почему он пришел к такому заключению. Однако в данном случае эксперт такого объяснения не представил** (*§ 61 постановления*).

Наконец, Суд отметил, что судебно-медицинская экспертиза умолчала о **причине, по которой 14 июня 2008 года заявитель был госпитализирован в Клинический медицинский центр тяжелом неврологическом состоянии и был непосредственно госпитализирован из приемного отделения в отделение реанимации и интенсивной терапии.** В частности, судебно-медицинское заключение **не содержало никаких объяснений относительно события или фактора, которые привели к госпитализации заявителя и вызвали обострение имеющихся заболеваний у заявителя** (*§ 62 постановления*).

Суд, таким образом, счел наличие у заявителя в прошлом определенных заболеваний важным, но не имеющим решающего значения фактором. В некоторых обстоятельствах такая мера, как арест или содержание под стражей,

может вызвать у человека, имеющего проблемами со здоровьем - при отсутствии принуждения или применения силы со стороны полиции, - стресс, психологическое напряжение и неизбежные страдания, присущие любой мере, которая может спровоцировать его имеющиеся заболевания. Однако в данном случае правительство удовлетворилось утверждением о том, что стационарное лечение заявителя было связано с его предыдущими заболеваниями, без каких-либо объяснений событий, которые могли бы объяснить, почему заявитель впоследствии был переведен на скорой помощи из полицейского участка в больницу. В этих обстоятельствах Суд посчитал, что власти не выполнили своего бремени доказывания и не представили никаких доказательств, опровергающих рассказ заявителя о событиях.

Соответственно, Суд посчитал, что изложение событий заявителем было точным и что фактором, приведшим к его госпитализации и предположительно вызвавшим обострение имеющихся у него ранее заболеваний, было физическое и психологическое жестокое обращение с заявителем во время его ареста и в полицейском участке 14 июня 2008 года.

ДЕЛО «LEONID PETROV v. RUSSIA»

(Постановление⁵ ЕСПЧ от 11 октября 2016 г., жалоба № 52783/08)

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

- Может ли психическое расстройство, как потенциальная причина падения лица из окна во время нахождения в отделе полиции исключить ответственность государства за причинение телесных повреждений

ОПИСАНИЕ ДЕЛА

6 октября 2006 г. около 23:00 заявитель был задержан в рамках расследования кражи и убийства женщины (двоюродной сестры заявителя) и доставлен на допрос в местный отдел полиции. Во время допроса двое полицейских избивали заявителя ногами и кулаками, затем приковали к его рукам 40-киллограммовый груз и угрожали, что выбросят заявителя из окна, если заявитель добровольно не сознается в совершении преступлений. После того, как заявитель отказался, полицейские выбросили его из окна. 7 ноября 2006 г. около 06:15 утра заявитель на скорой помощи был доставлен в больницу, где у него были диагностированы ЗЧМТ, сотрясение мозга, переломы обеих ног, гематомы и царапины в области мягких тканей головы,

⁵ Ссылка на постановление: <http://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-167100>

левого бедра и обоих коленных суставов, повреждение зуба 41, отит левого уха. В больнице заявитель был прикован наручниками к кровати и находился под охраной полицейского.

Правительство отрицало нарушение ст. 3 Конвенции в материальном аспекте. Правительство не оспаривало факт допроса двумя полицейскими закованного в наручники заявителя на протяжении по меньшей мере пяти часов в течение ночи (см. § 66 Постановления) и указало, что во время допроса заявитель находился в состоянии алкогольного опьянения, вел себя агрессивно и неадекватно, использовал нецензурные выражение и угрозы в адрес полицейских. В какой-то момент заявитель внезапно забрался на стол и самостоятельно выпрыгнул из окна. Утверждения заявителя о 40-килограммовом грузе были опровергнуты в ходе расследования путем проведения ряда следственных действий (осмотр отдела полиции, допрос полицейских, допрос сотрудников скорой помощи).

Заявитель утверждал, что в отношении него была нарушена ст. 3 Конвенции в материальном аспекте и указывал, что полицейские наносили заявителю удары по голове, ушам, телу и ногам, угрожали изнасилованием, приковали к рукам заявителя 40-килограммовый груз и продолжали избивать его в течение часа. Заявитель оспаривал версию Правительства о том, что он пытался скрыться, выпрыгнув из окна, поскольку на улице было холодно и руки заявителя были закованы в наручники, что объективно мешало ему быстро и незаметно залезть на стол и выпрыгнуть в окно.

В рамках судебно-психиатрической экспертизы было установлено, что заявитель болен расстройством личности, не требующим специального лечения и не влияющим на его возможность быть привлеченным к уголовной ответственности.

ОЦЕНКА СУДА

Суд отметил, что отсутствие у заявителя телесных повреждений до его задержания подтверждается свидетельскими показаниями, а их появление после освобождения из отдела полиции подтверждается медицинскими документами. Переломы обеих ног могли быть вызваны падением заявителя из окна, однако остальные повреждения могли быть получены в результате ударов кулаками и ногами (§§ 68, 70 постановления). Таким образом, у Правительства возникла обязанность предоставить разумные объяснения относительно происхождения телесных повреждений заявителя.

Суд выразил недоверие в адрес утверждений Правительства, поскольку согласно результатам экспертизы не исключена возможность получения заявителем телесных повреждений в результате ударов кулаками и ногами со стороны полицейских (§ 70 постановления).

В рамках расследования не были восстановлены точные порядок и картина событий, а также количество и личности свидетелей падения

заявителя, в связи с чем Суд критически отнесся к показаниям сотрудников скорой помощи, согласно которым возле заявителя не был обнаружен 40-килограммовый груз. Суд обратил внимание на не объясненные Правительством противоречия в показаниях полицейских, обнаруживших заявителя после падения, а также на двухмесячную задержку при осмотре отдела полиции, в результате чего невозможно прийти к однозначному выводу о наличии или отсутствии груза (§ 71 постановления).

Утверждения правительства о психическом расстройстве заявителя не имеют значения в рассматриваемом деле, поскольку в заключении психиатрической экспертизы падение заявителя из окна не анализировалось (§ 72 постановления).

Суд также отметил бессмысленность спора о причинах падения заявителя из окна, поскольку в данном контексте правительство не справилось со своей обязанностью защищать физическое благополучие лиц, находящихся под контролем государственных органов, и минимизировать любые потенциальные риски (§§ 73-74 постановления).

ДЕЛО «MAMMADOV AND OTHERS v. AZERBAIJAN»

(Постановление⁶ ЕСПЧ от 21 февраля 2019 г., жалоба № 35432/07)

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

- Являются ли показания членов семьи и адвоката лица, предположительно подвергавшегося жестокому обращению, достаточными доказательствами наличия у лица телесных повреждений в условиях отсутствия соответствующих медицинских документов

ОПИСАНИЕ ДЕЛА

2 февраля 2007 г. примерно в 16:00 первый заявитель был задержан сотрудниками Министерства национальной безопасности Азербайджана (МНБ) по подозрению в сотрудничестве с иранской разведкой. Первый заявитель был доставлен в здание МНБ, где в течение 23 часов его допрашивали в связи с данными подозрениями. В течение всего времени допроса первый заявитель был лишен воды, пищи и сна, а также подвергался физическому насилию: сотрудники МНБ несколько раз раздавливали пальцы первого заявителя дверью, наносили удары в область левого плеча. Жестокое обращение было прекращено в связи с плохим самочувствием первого заявителя (повышение кровяного давления). 3 февраля 2007 г. примерно в 16:00 сотрудники МНБ отпустили первого заявителя возле станции метро без

⁶ См. постановление по ссылке: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-189960>

каких-либо документов, подтверждающих его задержание и нахождение под контролем сотрудников МНБ на протяжении 24 часов. В тот же день первый заявитель был задержан полицией и признан национальным судом виновным в совершении административного правонарушения в связи с невыполнением требования полицейского. После этого первый заявитель еще раз был доставлен в МНБ, где содержался до 17 февраля 2007 г. Сотрудники МНБ допрашивали его преимущественно по ночам, не оказывали ему медицинскую помощь и сообщали ложные сведения о его семье.

Первый заявитель утверждал, что в отношении него была нарушена ст. 3 Конвенции в материальном аспекте. В период со 2 по 17 февраля 2007 года он подвергался жестокому обращению со стороны сотрудников МНБ в его помещениях. Сотрудники МНБ несколько раз давили дверью пальцы первого заявителя на правой руке, наносили удары в область левого плеча, лишали пищи, питья, сна и возможности сходить в туалет несмотря на наличие у первого заявителя простатита, в связи с чем он был вынужден справлять естественные потребности в штаны. Наличие у первого заявителя телесных повреждений подтверждается показаниями его адвоката и членов его семьи, которые видели первого заявителя во время судебного заседания по его административному делу.

Правительство отрицало нарушение ст. 3 Конвенции в материальном аспекте. Правительство заявило, что не может предоставить какую-либо информацию об обращении, которому подвергся первый заявитель, поскольку материалы дела, касающиеся его задержания и содержания под контролем сотрудников МНБ в течение этого периода, были уничтожены в связи с истечением срока их хранения.

ОЦЕНКА СУДА

Суд отметил представленное заявителем в целом последовательное и подробное описание жестокого обращения, которому он подвергался со стороны сотрудников МНБ в период с 2 по 17 февраля 2007 г., несмотря на некоторые противоречия в описании телесных повреждений, которые, тем не менее, не могут сами по себе дискредитировать его утверждения (§ 114 постановления).

Суд подчеркнул особую важность показаний адвоката и членов семьи первого заявителя, которые подтверждают наличие у него телесных повреждений в условиях отсутствия соответствующих медицинских документов (см. § 110, 112, 114 постановления). С учетом установленного Судом факта незаконного содержания первого заявителя под контролем сотрудников МНБ и отсутствия у членов семьи первого заявителя какой-либо информации относительно места его содержания Суд счел, что первый заявитель не мог получить никаких медицинских доказательств в поддержку своего утверждения о жестоком обращении в течение этого периода, когда он

содержался в помещении МНБ без какого-либо доступа к внешнему миру (см. § 113 постановления).

Суд обратил внимание, что Правительство не представило объяснений по поводу задержки при проведении СМЭ, а также не представило Суду, направившему специальное ходатайство, копию заключения СМЭ. Кроме того, медицинская карта первого заявителя, в которой не содержалось упоминаний о наличии у него каких-либо телесных повреждений во время его первоначального осмотра по прибытии в СИЗО МНБ, была неправильно датирована и подписана (см. § 115 постановления).

На основании указанных обстоятельств Суд считал доказанным факт жестокого обращения с заявителем со стороны сотрудников МНБ (см. § 116-117 постановления).

ДЕЛО «ZHYZITSKYI v. UKRAINE»

(Постановление⁷ ЕСПЧ от 19 февраля 2015 г., жалоба № 57980/11)

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

- Доказывание подключения к телу человека электрического тока, если оно не оставило следов явных ожогов на теле заявителя и не причинило долгосрочного ущерба его здоровью
- Непредоставление властями альтернативной версии касаясь природы телесных повреждений

ОПИСАНИЕ ДЕЛА

1 мая 2007 г. примерно в 03:00 утра заявитель были задержан и доставлен в отдел полиции в связи с подозрением в убийстве своей бывшей жены. Во время допроса полицейские с целью добиться от заявителя признания в совершении преступления угрожали ему, сковали его руки наручниками, привязали его к стулу, надели ему на голову черную кепку и несколько раз наносили удары электрическим током, в том числе в область гениталий. После первого удара током заявитель упал со стула. Один из полицейских сказал, что заявитель «испортил ему день рождения», в связи с чем первый намерен добиться от заявителя признания. Заявитель был вынужден дать признательные показания, на основании которых впоследствии был признан виновным в убийстве своей бывшей жены.

⁷ См. постановление по ссылке: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-152255>

Правительство отрицало нарушение ст. 3 Конвенции в материальном аспекте. Заявитель не подвергался жестокому обращению в отделе полиции и не предоставил доказательств причинения ему телесных повреждений, позволяющих установить факт жестокого обращения вне разумных сомнений. Некоторые из телесных повреждений заявителя были получены заявителем до того, как он был задержан полицией, поэтому государство не несет за них ответственности.

Заявитель утверждал, что в отношении него была нарушена ст. 3 Конвенции в материальном аспекте. Телесные повреждения были нанесены заявителю в период его нахождения под контролем правоохранительных органов в отделе полиции. Наличие у заявителя телесных повреждений подтверждается медицинскими заключениями от 1 мая 2007 г. (обнаружены многочисленные гематомы по всему телу и две царапины за правым ухом) и от 7 июня 2007 г. (обнаружены поверхностные повреждения гениталий). Правительство не представило разумных объяснений относительно происхождения имеющихся у него телесных повреждений. Заявитель

ОЦЕНКА СУДА

Суд счел доказанными утверждения заявителя о нанесении ему телесных повреждений посредством подключения к его телу электрического тока. Суд отметил, что наличие у заявителя телесных повреждений подтверждается результатами СМЭ, проведенными 1 мая и 7 июня 2007 г. Зафиксированные в ходе первой СМЭ телесные повреждения состояли из гематом и ссадин, которые могли возникнуть до или во время нахождения заявителя под контролем правоохранительных органов. В ходе второй СМЭ были зафиксированы телесные повреждения в виде поверхностных повреждений половых органов, которые могли быть получены заявителем в период нахождения заявителя под контролем правоохранительных органов. Таким образом, эксперт сначала заявил, что исключить возможность применения электротока невозможно, а затем высказал мнение, что это маловероятно. Однако никакого альтернативного объяснения происхождения ран в области гениталий заявителя так и не было выдвинуто. В этих обстоятельствах суд считает, что утверждение заявителя о применении к нему электрошока имеет достаточную доказательственную базу (§42 Постановления).

Суд отметил, что применение электрического тока является особо серьезной формой жестокого обращения, способной вызвать сильную физическую боль и жестокие страдания, в связи с чем такая форма обращения является пыткой, даже если она не привела к какому-либо долгосрочному ущербу здоровью жертвы. (§ 43 постановления).

ДЕЛО «POMILYAYKO v. UKRAINE»

(Постановление⁸ ЕСПЧ от 11 февраля 2016 г., жалоба № 60426/11)

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

- Фотографии телесных повреждений как доказательство
- Уведомление госорганов из больницы о предполагаемом жестоком обращении
- Вспомогательные экспертизы как доказательства

ОПИСАНИЕ ДЕЛА

8 ноября 2008 г. примерно в 11:15 утра заявительница добровольно явилась в отдел полиции для допроса в связи с кражей оборудования на предприятии, где она работала. В отделе полиции один из полицейских отвел ее в кабинет и втолкнул внутрь, затем скрутил ей руки за спиной и сковал их наручниками. После этого трое мужчин-полицейских начали запугивать заявительницу, надели ей на голову полиэтиленовый пакет и стали наносить удары по голове, лицу и рту заявительницы, перекрывали ей доступ воздуха с целью заставить заявительницу признаться в совершении кражи. Заявительница несколько раз падала в обморок, у нее случалось непроизвольное мочеиспускание. Она подписала признательные показания. 8 ноября 2009 г. примерно в 20:00 заявительница была отпущена из отдела полиции. 9 ноября 2008 г. заявительница почувствовала себя плохо, вызывала скорую помощь и была госпитализирована с диагнозом: ЗЧМТ, сотрясение мозга, гематомы мягких тканей головы, верхних и нижних конечностей, брюшной живота, поясничный остеохондроз, астения. 10 ноября 2008 г. заявительница обратилась в прокуратуру с жалобой на жестокое обращение со стороны полицейских, 12 декабря 2008 г. было возбуждено уголовное дело. В марте 2011 г. заявительница интересовалась ходом расследования, однако ответа на свое обращение не получила.

Заявительница утверждала, что наличие телесных повреждений после ее освобождения из отдела полиции подтверждается фотографиями, предоставленными Суду самой заявительницей, и медицинскими документами из больницы, куда заявительница была госпитализирована и где проходила стационарное лечение, а также показаниями врачей.

⁸ См. по ссылке: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-160428>

15 января 2009 года следователь изъясил брюки, которые заявительница носила 8 ноября 2008 года. Судебно-медицинская иммунологическая экспертиза обнаружила на них следы ее мочи.

С 27 ноября 2008 года по 26 января 2009 года была проведена судебно-медицинская экспертиза с целью установления причиненных заявительнице телесных повреждений и их характера. Эта оценка была основана на медицинском досье, а также на медицинском осмотре самой заявительницы. Эксперт счел установленным, что на момент ее госпитализации у заявительницы были синяки на обеих руках, нанесенные тупыми предметами за 1-3 дня до этого. Что касается ушибов мягких тканей, то эксперт не счел необходимым принимать во внимание этот диагноз, поскольку он был основан только на личном мнении врача, который осматривал заявителя. Те же самые диагнозы врача о закрытой черепно-мозговой травме и сотрясении мозга рассматривались экспертом как недостаточно подтвержденные “клиническими данными”.

9 февраля 2009 года была проведена судебно-медицинская экспертиза собственноручного заявления заявительницы на официальном протоколе допроса от 8 ноября 2008 года. Эксперт пришел к выводу, что она была “в необычном состоянии”, когда ставила свою подпись на бланке допроса.

Правительство не представило своих соображений по жалобе заявительницы.

ОЦЕНКА СУДА

Суд счел доказанным факт жестокого обращения по отношению к заявительнице в отделе полиции. У заявительницы были диагностированы многочисленные телесные повреждения на следующий день после освобождения из отдела полиции. Суд обратил внимание на поведение врачей больницы, которые сочли утверждения заявительницы о жестоком обращении правдоподобными, в связи с чем передали в полицию сведения о телесных повреждениях заявительницы, предположительно нанесенных полицейскими. Доводы заявительницы о жестоком обращении также подтверждаются итогами почерковедческой экспертизы, где эксперт пришел к выводу о «необычном состоянии» заявительницы во время подписания протокола допроса. Экспертиза одежды заявительницы, установившая наличие на ее брюках следов мочи, также была принята Судом во внимание (§ 47, 49 Постановления).

При квалификации жестокого обращения Суд счел значимыми обстоятельствами пол заявительницы, подавляющую силу трех подготовленных мужчин-полицейских, подвергавших заявительницу жестокому обращению, характер действий в рамках жестокого обращения (использование полиэтиленового пакета и имитация удушения в отношении заявительницы), характер и количество телесных повреждений

(подтверждается медицинской документацией), психологическое давление в отношении заявительницы, унижение заявительницы в связи с ее произвольным мочеиспусканием в состоянии полной беспомощности (§ 51 Постановления).

ДЕЛО «ABDULKADYROV AND DAKHTAYEV v. RUSSIA»

(Постановление⁹ ЕСПЧ от 10 июля 2018 г., жалоба № 35061/04)

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

- Показания адвоката как доказательство телесных повреждений
- При установлении факта жестокого обращения в отношении заявителя в условиях отсутствия медицинских документов, подтверждающих наличие у заявителя телесных повреждений, может ли быть учтена предыдущая практика ЕСПЧ по аналогичным жалобам («аналогия обстоятельств»)
 - Как влияет неспособность властей к проведению полноценного расследования на бремя доказывания

ОПИСАНИЕ ДЕЛА

19 и 25 сентября 2002 г. заявители были задержаны в г. Грозном и доставлены в оперативно-розыскное бюро Северо-Кавказского оперативного управления ГУ МВД по Южному федеральному округу (ОРБ-2) без регистрации задержания. В течение нескольких дней заявителей избивали кулаками, ногами и резиновыми дубинками, надевали на головы противогазы и полиэтиленовые мешки, после чего применяли к ним электрический ток, угрожали изнасилованием и шантажировали с целью получения признаний об участии заявителей в незаконном вооруженном формировании и убийствах, в том числе сотрудников полиции и военнослужащих. Заявители были вынуждены дать признательные показания. 24 и 30 сентября 2002 г. заявители были арестованы и доставлены в ИВС ОРБ-2. На основании признательных показаний заявителей в мае 2004 г. национальными судами были вынесены обвинительные приговоры. Национальные суды отклоняли жалобы заявителей на жестокое обращение.

Правительство отрицало нарушение ст. 3 Конвенции в материальном аспекте. Утверждения заявителей о жестоком обращении не были обоснованными. В соответствии с реестром осмотров лиц, поступивших в ИВС ОРБ-2 в период с 26 ноября 2002 г. по 4 октября 2003 г., у обоих

⁹ См. постановление по ссылке: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-184489>

заявителей отсутствовали телесные повреждения. Сотрудники ОРБ-2 отрицали факт применения физической силы к заявителям.

Заявители утверждали, что в отношении них была нарушена ст. 3 Конвенции в материальном аспекте. На протяжении всего периода незарегистрированного задержания в ОРБ-2 заявители подвергались жестокому обращению со стороны сотрудников бюро и оставались без юридической помощи. Семьи заявителей не обладали информацией об их местонахождении. Второй заявитель также утверждал, что сотрудники ОРБ-2 угрожали его застрелить, прижимали его голову к полу и наносили по ней удары пластиковой бутылкой с водой, наваливались на его голову всем своим весом, прижигали спину окурками сигарет, прижимали руки к столу и угрожали проткнуть их скобами, наносили удары по пальцам лакированной палкой. Наличие у него телесных повреждений подтверждается показаниями адвоката, присутствовавшего при допросе второго заявителя.

ОЦЕНКА СУДА

Суд счел утверждения заявителей о жестоком обращении заслуживающими доверия. **Заявители представили свою версию событий достаточно подробно и последовательно.** В течение длительного периода времени они находились в ОРБ-2 под контролем правоохранительных органов без какой-либо регистрации. **На протяжении указанного периода времени не соблюдались правовые гарантии, направленные против применения жестокого обращения, в частности, медицинское освидетельствование, право на доступ к адвокату и право на информирование третьих лиц о задержании (§§ 54-55 постановления).** Суд обратил внимание на то, что заявители дали признательные показания по окончании периода их незарегистрированного задержания в ОРБ-2 и впоследствии оспаривали их использование в качестве доказательств в рамках судебного разбирательства (§ 56 Постановления).

Правительство не предоставило медицинских документов о состоянии здоровья заявителей в период с сентября по декабрь 2002 г., сославшись на их уничтожение в связи с истечением сроков хранения. Представленный правительством реестр медицинских осмотров содержит сведения о состоянии здоровья заявителей на момент их помещения в СИЗО в декабре 2002 г., **когда телесные повреждения уже могли исчезнуть.** Суд отметил, что несмотря на отсутствие медицинских документов, подтверждающих жалобы заявителей на жестокое обращение, наличие телесных повреждений у второго заявителя подтверждается показаниями его адвоката, присутствовавшего при допросе заявителя в качестве подозреваемого 24 сентября 2002 г. (§ 57-59 Постановления)

Суд обратил особое внимание на предыдущую практику рассмотрения аналогичных жалоб заявителей на жестокое обращение конкретно в ОРБ-2 г. Грозного и отметил, что описание жестокого

обращения, предоставленное заявителями, совпадает с описанием жестокого обращения в рассмотренных ранее жалобах. При этом, в рассмотренных ранее аналогичных жалобах был установлен факт пыток и, как следствие, нарушение ст. 3 Конвенции (§ 61-62 Постановления).

Кроме того, по мнению Суда, Правительство не представило разумных объяснений относительно происхождения телесных повреждений у заявителей, поскольку данные объяснения основывались на материалах проведенных доследственных проверок, не отвечающих стандартам эффективного расследования, установленным ст. 3 Конвенции в процессуальном аспекте (см. § 67-68 Постановления).

ДЕЛО «MINNAILOV v. ESTONIA»

(Постановление¹⁰ ЕСПЧ от 30 августа 2016 г., жалоба № 64418/10)

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Отсутствие разумных объяснений относительно необходимости и соразмерности применения сотрудниками полиции физической силы к заявителю, а также относительно происхождения телесных повреждений последнего по причине непроведения эффективного расследования
- Выходные и праздничные дни не могут служить оправданием неприемлемых задержек в проведении эффективного расследования

ОПИСАНИЕ ДЕЛА

29 апреля 2009 г. примерно 18:00 заявитель, находившийся в состоянии алкогольного опьянения, был задержан полицейскими с применением силы. Ему были нанесены удар в челюсть и удар коленом в основание шеи, заявитель был повален на землю и к нему были применены наручники. Заявитель был доставлен в бессознательном состоянии в отделение полиции, где полицейские держали его в наручниках на полу, периодически наносили удары руками и ногами, окунали его голову в туалете под кран с холодной водой.

30 апреля 2009 г. примерно в 02:00 утра заявитель был доставлен в больницу, где у него диагностировали сотрясение мозга. Заявитель обращался с жалобами на жестокое обращение в полицию и прокуратуру. Несмотря на производство некоторых необходимых следственных действий (назначение и проведение СМЭ, допрос заявителя, сотрудников полиции, свидетелей

¹⁰ См. постановление по ссылке: <http://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-165951>

задержания) власти отказывали заявителю в проведении дополнительных следственных действий по его ходатайствам. В январе 2010 г. расследование было прекращено, поскольку следственные органы пришли к выводу, что к заявителю была правомерно применена физическая сила в связи с его сопротивлением при задержании и дальнейшим агрессивным поведением.

Заявитель утверждал, что не мог вести себя агрессивно или оказывать сопротивление полиции в полицейском участке, поскольку к нему были применены наручники. Избиение привело к частичной потере зрения в левом глазу заявителя. Избиение заявителя подтверждается решением национального суда, оправдывающем его по обвинению в мелком правонарушении.

Правительство утверждало, что заявитель не подвергался жестокому обращению ни во время его задержания, ни в период его нахождения в отделе полиции, что подтверждается доказательствами, собранными в рамках уголовного расследования.

Тем не менее, Правительство заявляло, что применение физической силы и наручников в отношении заявителя во время его задержания и в период его нахождения в отделе полиции было необходимо для обеспечения его собственной безопасности и безопасности других лиц. Наручники были сняты, как только заявитель успокоился. Полицейские не могли избежать причинения заявителю телесных повреждений в контексте необходимости соразмерного применения физической силы и наручников, вызванной поведением самого заявителя. Данные телесные повреждения были незначительными и носили временный характер. В то же время, происхождение других телесных повреждений заявителя остается неясным, заявитель мог самостоятельно причинить их самому себе, поскольку находился в состоянии алкогольного опьянения, в том числе, в целях предъявления обвинений полиции.

ОЦЕНКА СУДА

Суд отметил, что стороны пришли к согласию относительно факта применения полицейскими физической силы к заявителю, в результате чего им были получены телесные повреждения. Разногласия между сторонами касались наличия строгой необходимости применения физической силы в силу собственного поведения заявителя, вида и интенсивности примененной силы, а также точного характера и причин телесных повреждений заявителя.

Суд обратил внимание, что власти возбудили уголовное дело и провели полноценное уголовное расследование в соответствии с процессуальным обязательством по ст. 3 Конвенции. Однако Суд счел проведенное расследование неэффективным.

Власти не инициировали уголовное расследование незамедлительно после получения жалобы заявителя. Первоначальные отказы полиции и прокуратуры расследовать жалобу заявителя являлись незаконными в

соответствии с национальным правом. Официальное расследование фактически было начато только спустя шесть дней после принятия жалобы заявителя к рассмотрению. По мнению Суда, выходные и праздничные дни не могут служить оправданием неприемлемых задержек в проведении эффективного расследования в контексте требований ст. 3 Конвенции.

Расследование также не соответствовало критерию своевременности с учетом задержек при производстве следственных действий по отношению к моменту начала расследования (1 месяц – при получении показаний предполагаемых преступников; от 10 дней до более чем 1 месяца – при допросе других сотрудников полиции; 3 месяца – при назначении и производстве СМЭ по медицинским документам). Суд подчеркнул, что задержки при получении показаний от сотрудников полиции значительно увеличивают риск сговора между подозреваемыми и другими сотрудниками полиции, выступающими в качестве свидетелей. СМЭ должна была быть назначена сразу же, как только заявитель заявил о жестоком обращении.

Расследование не соответствовало критерию тщательности. Не была проведена СМЭ телесных повреждений заявителя с его личным участием. Вопреки ходатайствам заявителя не были допрошены свидетели задержания и нахождения заявителя в отделе полиции, в то время как при допросе сотрудников полиции следственные органы не демонстрировали подобной избирательности. Вопреки ходатайствам заявителя не были проведены очные ставки между заявителем и подозреваемыми, хотя данное следственное действие было уместно и предусмотрено национальным правом. Суд обратил особое внимание на тот факт, что в рамках официального расследования не было установлено, предъявляли ли полицейские какие-либо законные требования заявителю и предупреждали ли его о последствиях невыполнения законных требований сотрудника полиции до момента применения физической силы. При опознании подозреваемых заявителю были представлены фотографии, хотя он утверждал, что мог бы опознать сотрудников полиции лично. Кроме того, Правительство не оспорило доводы заявителя о том, что не были проанализированы записи с камер видеонаблюдения и не представило соответствующих объяснений.

Расследование не соответствовало критерию объективности. Показания самого заявителя были сочтены противоречивыми, непоследовательными и незаслуживающими доверия, хотя Суд на основании имеющихся материалов приходит к противоположному выводу. Следственные органы обосновывали решение о прекращении расследования, избирательно ссылаясь на показания свидетелей, иногда содержавшие существенные противоречия, без объяснения причин.

Расследование не соответствовало критерию независимости. Сотрудник полиции, производивший расследование, был следователем полиции из бюро внутреннего контроля Восточной полицейской префектуры. В этом качестве данная префектура входила в ту же региональную структуру полиции, что и

отдел полиции, сотрудниками которого являлись подозреваемые. Суд счел такую структурную связь подтверждающей несоответствие расследования критерию независимости.

Суд также принял к сведению довод Правительства о том, что независимость расследования была гарантирована участием прокуратуры, и отметил, что даже с учетом организационной независимости прокурора от полиции, его роль простого надзирателя недостаточна для того, чтобы расследование соответствовало критерию независимости. В рассматриваемом деле отсутствовали доказательства активного участия прокурора в руководстве или надзоре за проведением расследования. Более того, прокурор отказался рассматривать первоначальную жалобу заявителя, несколько раз отклонял по чисто формальным основаниям обоснованные ходатайства заявителя о производстве дополнительных следственных действий и отклонил жалобу заявителя на решение о прекращении расследования.

Суд также отметил, что выводы следственных органов никогда не были объектом судебного контроля.

С учетом указанных обстоятельств, Суд пришел к выводу о том, что проведенное властями расследование не являлось эффективным. В связи с этим Суд счел, что Правительство не смогло представить разумных объяснений относительно необходимости и соразмерности применения сотрудниками полиции физической силы к заявителю, а также относительно происхождения телесных повреждений последнего.

ДЕЛО «M.F. v. HUNGARY»

(Постановление¹¹ ЕСПЧ от 31 октября 2017 г., жалоба № 45855/12)

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

- Подтверждение телесных повреждений с помощью свидетельских показаний
- Медицинские документы, выданные частной клиникой
- Показания врача общей практики как доказательства

ОПИСАНИЕ ДЕЛА

Заявитель – венгерский гражданин происхождения «рома». 12 августа 2010 г. примерно в 01:50 утра заявитель вместе с сообщниками был задержан за рулем автомобиля, в котором находилось украденное имущество, и

¹¹ См. постановление по ссылке: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-178178>

доставлен в местный отдел полиции для допроса. В течение следующих нескольких часов полицейские избивали и оскорбляли заявителя, в частности, с использованием расистских высказываний в адрес его происхождения. Заявитель подписал протокол о его допросе в течение 40 минут и признание в совершении трех краж и был освобожден в тот же день около 14:00.

Заявитель утверждал, что в отношении него была нарушена ст. 3 Конвенции в материальном аспекте. До задержания полицейскими заявитель находился в хорошем состоянии здоровья. В отделе полиции в общей сложности 6 полицейских и 2 охранника подвергали заявителя жестокому обращению: его избивали, ставили на колени и пинали ногами, несколько раз ударили деревянной палкой по подошвам ног, несколько раз ударили по лицу, надевали на голову бумажный пакет. Полицейские также оскорбляли заявителя в связи с его происхождением, один из полицейских заявил, что в случае смерти заявителя ничего особенного не произойдет – «просто одним цыганом станет меньше». Полицейские пытались добиться от заявителя признания в совершении еще трех краж.

После освобождения в тот же день по просьбе матери заявителя врач общей практики из соседней деревни С. С. пришел в дом заявителя и осмотрел его. Поскольку врачу, по-видимому, сообщили только о жалобах на грудную клетку, он не стал осматривать ноги и ступни заявителя. Он не выявил никаких следов, указывающих на внешнюю травму заявителя, однако заявитель указал ему на боль в ребрах и он предложил заявителю обратиться в больницу, если он хочет получить медицинскую справку о своих травмах. Врач не представил медицинского заключения.

В тот же вечер заявитель отправился в больницу, где ему выдали медицинскую справку, за которую он заплатил причитающийся гонорар, указав, что у него были синяки на лбу, носу и левом плече и ссадина на правом бедре; обе его кисти и предплечья были распухшими и гиперемированными, а задняя поверхность обоих бедер, а также подошвы ног были распухшими, красными и воспаленными. Согласно справке, заявитель «имел многочисленные ушибы, которые были нанесены другими лицами».

Еще в тот же вечер заявителю были сделаны рентгеновские снимки в больнице в другом городе на расстоянии 32 километров, куда заявитель был доставлен членами своей семьи. Ему был поставлен диагноз «ушиб грудной клетки», «ушиб черепа» и «телесные повреждения, нанесенные человеческой силой».

В период после освобождения из отдела полиции и до фиксации телесных повреждений в больнице заявителя сопровождали его родственники, подтвердившие в рамках судебного разбирательства, что в указанный период заявитель телесных повреждений не получал.

Правительство отрицало нарушение ст. 3 Конвенции в материальном аспекте. Тот факт, что после освобождения из отдела полиции заявитель сразу был осмотрен знакомым врачом общей практики,

который не выявил у заявителя каких-либо повреждений, порождает разумные сомнения относительно времени возникновения телесных повреждений у заявителя.

ОЦЕНКА СУДА

Суд обратил внимание на возражения Правительства относительно результатов осмотра заявителя, произведенного врачом общей практики, однако счел, что данный факт не имеет решающего значения. Суд отметил, что врач общей практики не осматривал заявителя полностью, однако выявил у заявителя боль в области ребер. Более того, заявитель именно по совету данного врача достаточно быстро обратился в больницу и подтвердил наличие телесных повреждений с помощью соответствующих медицинских документов. Суд также подчеркнул, что наличие у заявителя телесных повреждений непосредственно после освобождения из отдела полиции подтверждается показаниями трех свидетелей, которые были заслушаны в рамках судебного разбирательства по самостоятельной жалобе заявителя на действия полицейских. Правительство не оспаривало факт, что данные свидетели находились рядом с заявителем в период после освобождения из отдела полиции до момента обращения заявителя в больницу.

Суд посчитал, что в свете этого Правительство не предоставило разумных объяснений относительно происхождения телесных повреждений заявителя (§ 46-49 постановления).

ДЕЛО « SATULLAYEV v. AZERBAIJAN »

(Постановление¹² ЕСПЧ от 19 марта 2020 г., жалоба № 22004/11)

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

- Отсутствие датированного заявления о в госорган жестоком обращении нивелирует довод о запоздалом назначении судебно-медицинской экспертизы
- Ненадлежаще оформленные показания свидетелей о наличии телесных повреждений

ОПИСАНИЕ ДЕЛА

¹² См. постановление по ссылке: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-201740>

Заявитель являлся владельцем магазина. Согласно версии заявителя, 20 августа 2008 года около 18 часов двое полицейских в штатском вошли в магазин и попросили у заявителя воды. Когда заявитель дал им бутылку воды, они сказали ему, что они сотрудники полиции и что они проведут обыск в магазине, потому что у них есть информация, что в магазине происходит торговля наркотиками. В этот момент в магазин вошли другие полицейские в штатском.

Заявитель попросил предъявить ордер на обыск, поэтому Р.Б., заместитель начальника Сумгаитского городского отделения милиции № 4, приказал другим присутствующим полицейским надеть на заявителя наручники. Заявитель продолжал протестовать против обыска, прося сотрудников полиции предъявить ему соответствующие документы. В ответ на его просьбы Р. Б. оскорбил его, и другой полицейский ударил его ладонью по голове. Отец и мать заявителя прибыли в магазин еще до окончания обыска.

После проведения обыска заявитель был доставлен в Сумгаитское городское отделение милиции № 4. Он находился там до 1.30 ночи 21 августа 2008 года, а затем ему было разрешено покинуть полицейский участок. В течение этого периода он оставался в наручниках около трех часов.

Заявитель утверждал, что судебно-медицинское заключение от 1 сентября 2008 года не выявило никаких следов телесных повреждений на его теле, поскольку судебно-медицинская экспертиза была проведена с запозданием. В обоснование своей жалобы он сослался на соответствующие свидетельские показания, представленные членами его семьи и четырьмя другими лицами, не предоставив суду копии этих показаний и не сообщив более подробных сведений о их содержании.

Согласно позиции властей, 20 августа 2008 года сотрудники полиции пришли в магазин, принадлежащий заявителю, чтобы допросить его по поводу утверждения о том, что он продавал украденные сим-карты, сигареты и продукты питания. Поскольку возникла необходимость продолжить допрос, заявителя пригласили в отделение милиции, где он был допрошен в течение тридцати минут. Заявитель не подвергался жестокому обращению со стороны полиции. Правительство сослалось на выводы судебно-медицинского заключения от 1 сентября 2008 года.

ОЦЕНКА СУДА

Суд отметил, что хотя заявитель и изложил в своих замечаниях Суду свою версию событий, согласно которой 20 августа 2008 года сотрудник полиции ударил его ладонью по голове, но он не представил более подробной информации на этот счет и не представил никаких медицинских доказательств в обоснование своего утверждения (§ 34 постановления). Судебно-медицинская экспертиза заявителя не выявила каких-либо телесных повреждений. В этой связи Суд не может принять довод заявителя,

оспаривающего выводы судебной экспертизы, на том основании, что она была проведена с опозданием. Из материалов дела явствует, что судебно-медицинская экспертиза заявителя была проведена только через один день после вынесения следователем постановления о назначении этой экспертизы и через одиннадцать дней после инцидента (§ 11 постановления). Кроме того, учитывая тот факт, что заявитель не представил Суду копию своей жалобы и не указал дату подачи жалобы (§ 10 постановления), Суд не может установить, было ли своевременно вынесено постановление следователя о назначении судебной экспертизы.

Суд отметил, что он может согласиться с тем, что жестокое обращение, подобное тому, которое якобы имело место 20 августа 2008 года (а именно полицейский ударил заявителя ладонью по голове), не всегда должно приводить к видимым последствиям. Однако в настоящем деле заявитель также не представил Суду никаких других доказательств в поддержку своего утверждения о жестоком обращении. Хотя он сослался на показания свидетелей, данные в ходе следствия в обоснование своей жалобы, из документов в материалах дела не следует, что указанные свидетели делали какие-либо заявления в отношении утверждения о том, что заявитель был избит полицией (§ 16 постановления).

Учитывая эти обстоятельства Суд посчитал, что представленные ему доказательства не позволяют установить в соответствии со стандартом доказывания “вне разумных сомнений”, что заявитель подвергся жестокому обращению со стороны полиции 20 августа 2008 года.

ДЕЛО «IVANKO v. UKRAINE

(Постановление¹³ ЕСПЧ от 5 марта 2020 г., жалоба № 46850/13)

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

- Несообщение Суду обо всех медицинских документах
- Отсутствие причинно-следственной связи между зажившими травмами и предполагаемым жестоким обращением со стороны полиции
- Предоставление плохо читаемых копий медицинских документов Суду
- Обоснование отсутствия возможности для получения медицинских документов

¹³ См. постановление по ссылке: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-201530>

ОПИСАНИЕ ДЕЛА

18 декабря 2010 года в Харькове были совершены кражи со взломом в трех квартирах.

По словам заявителя, около 8 часов вечера 18 декабря 2010 года группа сотрудников милиции, в том числе сотрудники Харьковского управления по борьбе с организованной преступностью (УБОЗ), задержали его, а также Л. и Г., в квартире, где проживал Л. и доставили в районное отделение милиции, где милиция применяла к ним физическое и психологическое давление до утра следующего дня, чтобы заставить их признаться в вышеупомянутых кражах.

Официальная версия событий, как свидетельствуют имеющиеся в распоряжении Суда документы, заключается в том, что ранним утром 19 декабря 2010 года К. был остановлен и осмотрен полицией на улице. У него были найдены инструменты для взлома зданий через окна. Его доставили в полицейский участок, где он сознался в ряде краж и заявил, что у него были сообщники, в том числе и заявитель. После этого заявитель и другие лица были арестованы в квартире Л. и доставлены в полицейский участок, где был зафиксирован их арест и где они сознались в кражах. После обыска квартиры Л. и его машины были найдены другие инструменты для взлома, а также некоторые украденные вещи.

В тот же день, 19 декабря 2010 года, был составлен протокол об аресте, в котором указывалось, что заявитель был арестован именно в этот день. Он был помещен в Харьковский изолятор временного содержания (ИВС).

24 декабря 2010 года заявитель был переведен в Харьковский следственный изолятор № 27 по решению суда. Согласно справке, выданной в феврале 2011 года начальником медицинской части СИЗО, при поступлении заявителя в СИЗО в декабре 2010 года никаких телесных повреждений зафиксировано не было, и никаких жалоб от него не поступало.

Кроме того, из официальных документов следует, что заявитель содержался под стражей в СИЗО до 2 декабря 2014 года, за исключением периода с 11 апреля по 30 мая 2011 года, когда он содержался в Дикановской тюрьме № 12. Во время его содержания в тюрьме 13 и 26 апреля 2011 года заявитель был доставлен в ИВС; 1, 19 и 20 апреля 2011 года и 10 и 13 мая 2011 года он был доставлен в помещение УБОЗ для участия в различных следственных действиях.

3 февраля 2011 года заявитель был осмотрен судебно-медицинским экспертом в медицинском подразделении СИЗО с целью установления наличия у него каких-либо телесных повреждений. Согласно заключению эксперта от 9 февраля 2011 года, заявитель сообщил эксперту, что 18 декабря 2010 года и 23 января 2011 года он подвергался жестокому обращению со стороны сотрудников полиции, и представил показания о жестоком

обращении. Никаких видимых телесных повреждений, в том числе на его гениталиях, эксперт после осмотра заявителя не зафиксировал. Эксперт также отметил, что медицинская карта заявителя свидетельствует о том, что заявитель не имел телесных повреждений при поступлении в СИЗО 24 декабря 2010 года.

1 апреля 2011 года заявитель был допрошен судебно-медицинским экспертом в помещении УБОЗ в присутствии сотрудника полиции. Эксперт отметил ссадину на его левой скуле размером 2 см на 1,5 см. Он пришел к выводу, что травма, скорее всего, была нанесена твердым тупым предметом или предметами не более чем за двадцать четыре часа до осмотра. Эксперт отметил, что в ходе экспертизы заявитель не подавал никаких жалоб и сообщил эксперту, что он не подвергался жестокому обращению со стороны полиции и не оказывал им никакого сопротивления, а также не пострадал от каких-либо несчастных случаев или не участвовал в каких-либо драках в течение предыдущих двух-трех недель.

По словам заявителя, утром 13 апреля 2011 года он и другие подозреваемые по этому делу были доставлены в УБОЗ для допроса. Они содержались в подвале и подвергались пыткам теми же полицейскими, что и те, кто участвовал в их аресте, с целью добиться от них признаний в совершении некоторых преступлений, которых они на самом деле не совершали. В частности, сотрудники полиции избили его и нанесли электрошоковые удары по ушам и гениталиям, душили его с помощью противогаза и влили ему в горло медицинский спирт, пока он не потерял сознание. Заявитель также утверждал, что каждый раз, когда его доставляли в помещение УБОЗ, он подвергался «физическому и психологическому жестокому обращению». Полицейские также потребовали от него денег в обмен на то, что они не предъявили ему обвинения в убийстве.

Около часа дня 13 апреля 2011 года заявитель был допрошен судебно-медицинским экспертом в присутствии сотрудника полиции. Эксперт отметил, что у заявителя имелась ссадина на мочке левого уха размером 1 см на 0,5 см, которая, вероятно, была нанесена одним или несколькими твердыми тупыми предметами за семь-десять дней до проведения экспертизы. По словам эксперта, заявитель утверждал, что ссадина была нанесена им самим примерно за неделю до проведения экспертизы.

Вечером 13 апреля 2011 года заявитель был доставлен в ИВС. По прибытии в больницу у него были зафиксированы ссадины на левом ухе и воспаление в области левой ключицы. Около 10 часов вечера по просьбе заявителя ему была вызвана скорая помощь. Копия справки скорой помощи была предоставлена Суду, но она очень низкого качества и едва разборчива. Единственная разборчивая часть списка травм, полученных бригадой скорой помощи, предполагает, что у заявителя были ушибы и воспаление в области левой ключицы. Сотрудники скорой помощи также отметили, что заявитель жаловался на то, что его травмы были вызваны жестоким обращением с ним

со стороны полиции. В соответствующей записи в журнале регистрации ИВС, касающейся вызовов скорой помощи, отмечается, что заявителю также был поставлен бригадой скорой помощи диагноз сотрясения мозга, ушиба левой почки и тупой травмы живота. Заявителю была рекомендована срочная госпитализация, и он был доставлен в Харьковскую больницу скорой медицинской помощи. Примерно в 0.40 утра 14 апреля 2011 года заявитель был доставлен обратно в ИВС. Он представил в ИВС справку из больницы, в которой указывалось, что при его обследовании в больнице врачом общей практики и неврологом не было обнаружено никаких отклонений от нормы и что заявитель не обращался к этим специалистам с жалобами на состояние здоровья.

Также в 0.40 14 апреля 2011 года в разделе «жалобы» регистрационного журнала ИВС, относящегося к медицинским осмотрам, была сделана следующая запись: «ушиб левой ключицы (перелом?), ожоги кожи мочек ушей, тупая травма живота слева, травма головы?».

По мнению правительства, по возвращении из больницы заявитель письменно заявил администрации ИВС, что он выдумал свою жалобу на состояние здоровья и что на самом деле он не подвергался никакому жестокому обращению со стороны полиции.

По словам заявителя, после того, как он вернулся из ИВС в СИЗО, медицинский персонал учреждения отказался регистрировать его травмы, утверждая, в частности, что травма его ушей и гениталий была нанесена ему самому путем раздавливания прыщей на этих частях его тела. Во время его содержания в тюрьме (которое, по его словам, началось 19 апреля 2011 года) он также неоднократно подвергался жестокому обращению со стороны полиции. В частности, полицейские надели на него защитную куртку и наручники и повесили на металлическую перекладину.

17 июня 2011 года заявитель был осмотрен врачом общей практики СИЗО. Никаких отклонений от нормы зафиксировано не было. При рентгенологическом исследовании, проведенном в тот же день, были обнаружены зажившие переломы левой ключицы и кости правого запястья. 10 января 2013 года у заявителя вновь был диагностирован заживший перелом запястья.

ОЦЕНКА СУДА

Суд принимает к сведению довод Правительства о том, что власти не смогли предоставить медицинские данные, включая данные, касающиеся любых возможных травм, полученных заявителем, за период с 11 апреля по середину мая 2011 года. Власти не утверждали, что документы были утеряны или уничтожены, а скорее утверждали, что документы остались в тюрьме и не были возвращены в СИЗО. Поэтому Суд не убежден в том, что Правительство действительно не могло получить необходимые документы и направить их в Суд. Наличие этих документов имело бы важное значение для проверки Судом достоверности утверждений заявителя.

С другой стороны, Суд также не был уведомлен о каких-либо препятствиях для получения заявителем этих доказательств от властей (§ 76 постановления).

Суд отметил, что имеющиеся доказательственные материалы, касающиеся предполагаемого жестокого обращения с заявителем, являются спорными. Действительно, ссадины на мочке левого уха заявителя и воспаление в области левой ключицы были отмечены по прибытии заявителя в ИВС 13 апреля 2011 года. Однако, как представляется, травма уха была также зафиксирована судебно-медицинским экспертом ранее в этот день (до прибытия заявителя в ИВС). Из заключения эксперта следует, что травма была получена в период между семью и десятью днями до проведения экспертизы и, как было сообщено заявителем эксперту, была нанесена им самим. Хотя заявитель утверждал, что эксперт не зафиксировал все его телесные повреждения, из его представлений не следует, что он оспаривал выводы эксперта относительно зафиксированного им телесного повреждения.

Что касается ключицы, то заключение травматолога, на которое заявитель ссылался в подтверждение своих утверждений о жестоком обращении, содержало, что заявитель страдал от “неправильно зажившего перелома левой ключицы”, что, в свою очередь, предполагает получение перелома ранее, чем в день обследования. Рентгенологические исследования в июне 2011 и 2013 годов действительно подтвердили вышеуказанный диагноз, а также выявили заживший перелом кости в правом запястье заявителя. Однако, опять же, точная дата получения травм остается неизвестной, и Суду не было представлено никакого медицинского заключения, свидетельствующего о связи между зажившими травмами и предполагаемым жестоким обращением со стороны полиции (§ 77 постановления).

Кроме того, один и тот же гражданский медицинский институт выдал противоречивые документы с разницей примерно в два часа: первый документ (протокол скорой помощи) предполагал, что заявитель имел ряд травм, а второй (справка из больницы) указывал, что никаких отклонений в ходе последующего медицинского осмотра заявителя в больнице обнаружено не было и что никаких жалоб от него не поступало. Из представленных Правительством материалов видно, что национальные власти рассматривали запись скорой помощи как предварительный диагноз, который, как представляется, не был подтвержден в больнице. Заявитель не только опирался на диагноз травматолога, подтверждающий его утверждения о переломе ключицы, но и хранил молчание относительно обстоятельств своего обследования в больнице и сделанных таким образом выводов (§ 78 постановления).

С учетом вышеизложенного Суд считает, что ему не хватает достаточных доказательств, позволяющих без всяких разумных сомнений подтвердить утверждения заявителя относительно жестокого обращения.